

ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА ДМИТРИЕВСКАЯ

доктор филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы и славистики
Литературный институт имени А. М. Горького
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8074-846X; mirfilologa@yandex.ru

ГИПОТЕЗА С. Н. ДУРЫЛИНА О НАЗНАЧЕНИИ СЕВЕРНЫХ ЛАБИРИНТОВ: ОБРЯД ОЧИЩЕНИЯ И МОЛЕНИЯ ВЕТРА

Аннотация. В начале 1910-х годов С. Н. Дурылин исследовал лабиринты на Большом Заяцком острове (Соловецкий архипелаг) и впервые описал Кандалакшский лабиринт. Собрав сведения (местоположение у моря, на оживленном древнем морском пути, хорошая сохранность, обряды народов Севера XIX – начала XX века), он выдвинул гипотезу о назначении лабиринтов: моление ветра, обряд очищения перед выходом в море. В статье рассматриваются разные гипотезы исследователей XX–XXI веков. Все гипотезы проверяются по четырем критериям: они должны объяснять или учитывать расположение у моря, климат, сохранность, форму лабиринтов. Новизна исследования заключается в том, что при проверке разных гипотез о назначении лабиринтов данные археологии были соотнесены с материалами фольклористов, что позволило вписать лабиринты в общую систему верований народов Севера. Версия С. Н. Дурылина выдерживает все критерии и находит косвенные подтверждения в фольклоре и литературе о морских походах на парусных судах. Его гипотеза о назначении северных лабиринтов вполне аргументированна и правдоподобна, однако до сих пор не подтверждена и не опровергнута, хотя вопрос о назначении северных лабиринтов остается открытым и актуальным. Культурно-промысловая версия и версия об обрядах перед выходом в море, скорее всего, дополняют друг друга как части одной системы верований, остатки которой фольклористы и краеведы находили в XX веке.

Ключевые слова: С. Н. Дурылин, северные лабиринты, Кандалакшский вавилон, гипотеза о назначении лабиринтов, обряд

Для цитирования: Дмитриевская Л. Н. Гипотеза С. Н. Дурылина о назначении северных лабиринтов: обряд очищения и моления ветра // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 8–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.970

ВВЕДЕНИЕ

Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954), вошедший в русскую культуру как писатель, богослов, литературовед, театровед, в 1910–1914 годах учился в Московском археологическом институте. В годы учебы по командированию института студент С. Н. Дурылин совершает несколько путешествий на Север, посещает Карелию, Архангельск, Соловецкие острова, Кольский полуостров, где изучает северные лабиринты, а затем пишет о них в отчетах, статьях и очерках. С. Н. Дурылин – один из первых исследователей каменных лабиринтов Кольского полуострова и Соловецких островов, до него в России было написано всего три небольшие статьи (К. Э. фон Бэр, А. И. Елисеев, А. А. Спицын)¹, а археолог рубежа XIX–XX веков К. П. Рева² дал краткое описание нескольких лабиринтов в числе других археологических нахо-

док в Архангельской губернии. Богаче была иностранная литература, но и она только начинала изучение этих загадочных сооружений. На этом фоне вклад С. Н. Дурылина выглядит весьма существенным: он ввел в научное исследование Кандалакшский лабиринт, дал его подробное описание; суммировал доступные научные данные, добавил личные наблюдения и выдвинул свою гипотезу о функции северных лабиринтов. Его гипотеза, на наш взгляд, вполне аргументированна и правдоподобна, однако она до сих пор не изучена, не подтверждена и не опровергнута. Точка зрения С. Н. Дурылина важна, потому что он наблюдал лабиринты и их окружение в начале 1910-х годов, то есть до появления на Кольском полуострове железной и автомобильной дорог, города Мурманска и других больших населенных пунктов, до его активного заселения в советское время, когда на Соловецких островах

еще шла спокойная жизнь монахов и поморов. С. Н. Дурылин детально исследовал лабиринты, изучал быт и образ жизни местного населения, его отношение к «вавилонам» (местное название) и гипотезы о времени появления и предназначении лабиринтов. Ученый не упускал ни одной детали, которая бы помогла разгадать тайну этих сооружений, например, он обратил внимание на один, позже утраченный, обряд, который подсказал ему возможное решение вопроса об использовании лабиринтов. Исследователи советского времени уже не могли видеть этого обряда, а статьи и книги С. Н. Дурылина не переиздавались, хотя в библиографии ученых попадали.

Результаты экспедиций и свои размышления о лабиринтах С. Н. Дурылин изложил в нескольких работах:

- 1) 1912 год – статья «Из скитаний по русскому Северу (На Заячьих островах)» в «Известиях Архангельского Общества изучения Русского Севера»;
- 2) 1913 год – отчет, отдельное издание «За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке» (в главе «У врат Пахьолы» – про Кандалакшский лабиринт);
- 3) 1914 год – отчет, отдельное издание «Кандалакшский “вавилон”».

С. Н. Дурылин посетил два лабиринта на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага и лабиринт «на так называемом Кандалакшском берегу Кандалакшской губы Белого моря, в трех верстах к востоку от села Кандалакши»³. Кандалакшский лабиринт он описывает впервые и таким образом вводит его в научный обиход. До него на Кольском полуострове были известны по крайней мере четыре лабиринта (о них говорит академик К. М. Бэр еще в 1840-е годы), а в Финляндии – уже около 50, еще несколько в Норвегии, Швеции, Дании. В XX веке с активным освоением Кольского полуострова и силами нескольких научных экспедиций были найдены и другие лабиринты на берегах Белого и Баренцева морей. Лабиринты продолжали находить и в XXI веке, так, в Кандалакшском заливе в 2014 году был найден уже шестой в этом месте лабиринт (см. работу М. М. Шахновича: [18]).

«Общее число северных лабиринтов превышает 500, а география их распространения значительна. Только в Северной Европе это: Исландия, Великобритания, Эстония, Финляндия, Швеция, Норвегия, Россия (Кольский полуостров, Карелия, Соловецкий архипелаг, Новая Земля)»,

– констатирует В. Я. Шумкин [19: 100–101].

КАНДАЛАКШСКИЙ ВАВИЛОН – ОТКРЫТИЕ С. Н. ДУРЫЛИНА

Вводя в научный обиход новый лабиринт, С. Н. Дурылин подробно его описывает.

Местоположение: «...расположен на узком и низменном мысу, выходящем в Губу» (Дурылин: 4). Ученый обращает внимание, что

«Кандалакша есть отправной пункт огромного водно-волокового пути через всю Лапландию к берегам С. Ледовитого океана, к г. Кола. <...> Этот водный путь был известен уже в древности; он служил торговым путем для новгородцев, пользовавшихся им для сношений с норвежцами и финнами» (Дурылин: 3).

«Путь этот всегда был важен и оживлен, так как это была одна из частей великого пути из Новгорода к океану, проходившего по р. Онеге, Онежской губе, мимо Заяцких островов, в Кандалакшскую губу и далее тем водно-пешеходным путем по Лапландии <...>. Не должен был миновать этих островов и еще более древний путь с варяжского крайнего севера в устье Сев. Двины, где происходила торговая встреча варяжских, финских и славянских племен. Доныне этим путем новгородцев проходят поморы с Летнего берега и из Поморья, отправляясь, через Лапландию, на промыслы на Мурман. Заяцкие острова служили и отчасти служат удобным пристанищем на этом пути» (Дурылин: 14–15).

Таким образом, размышляя о назначении лабиринтов, важно учитывать, что они лежат на морском пути, освоенном в древности, и располагаются в непосредственной близости к морю.

Форму и размер – «...неправильной формы эллипс, имеющий по диаметру в длину 14 и в ширину – 10 шагов» (Дурылин: 5) – С. Н. Дурылин описывает очень подробно. Вместо большой цитаты приведем сделанный им рисунок.

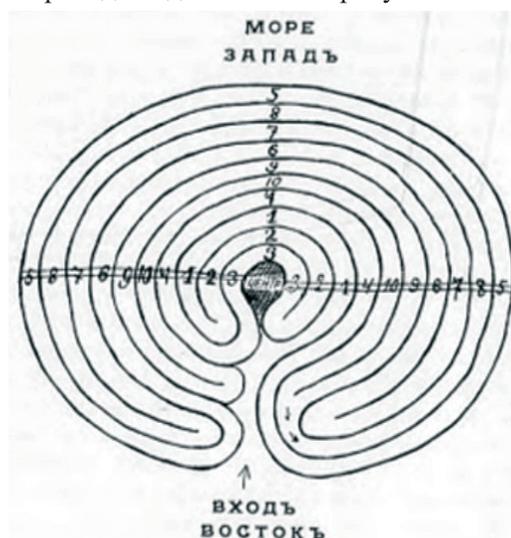

Рисунок С. Н. Дурылина из книги «Кандалакшский “вавилон” (к изучению северных лабиринтов)» (М., 1914)

Drawing by Sergey Durylin from the book *Kandalaksha “Babylon” (the Study of Northern Labyrinths)* (Moscow, 1914)

У Кандалакшского лабиринта есть свой секрет: распутье на 8-м круге, при этом любой выбранный путь приводит обратно к развилке. «Как бы ни меняли вы направление, предпочитая то 9-ый, то 10-ый концентры, вы не выйдете из лабиринта <...>» (Дурылин: 6). Лабиринт запутывает, вокруг его центра можно кружиться, как в ловушке. «В этом смысле он является настоящим лабиринтом, несмотря на то, что ходы его видны и через них легко перешагнуть» (Дурылин: 6).

Сохранность лабиринтов, в том числе Кандалакшского, удивляет С. Н. Дурылина:

«Сохранность вавилонных кругов удивительна: несмотря на то, что “вавилон” расположен на совершенно открытом месте, доступном яростным северным ветрам, дождям, бурям, которые так легко могли бы разметать по сторонам или просто смыть в море небольшие и нетяжелые камни “вавилон”, они все в большой целости, и концентры вавилонна ясно видны и образуют по земле замечательно правильный чертеж» (Дурылин: 6–7).

Эта черта тоже не ускользнет от молодого исследователя при решении вопроса о назначении северных лабиринтов.

Следующий вопрос, которым задается С. Н. Дурылин, **кто автор лабиринтов?** Он провел опрос местных жителей и получил ответы, источник которых – русские предания последних двух столетий. Устроителями лабиринтов были названы Петр I (на Заяцких островах), а также «разные люди», которые бежали сюда после Пугачевского восстания (Кандалакша). Ученого такие объяснения не удовлетворяют (хотя сегодня они рассматриваются как достоверные [11]), поэтому он вспоминает статью А. В. Елисеева, который писал, что вавилоны «русские приписывают или пустынноикам, или разбойникам, или сказочной Лопи» (Дурылин: 10). Лопарей, или саамов, как устроителей лабиринтов называет и А. Спицын в статье «Северные лабиринты» (1904), а затем многие археологи, этнографы XX века. С. Н. Дурылин, понимая, что это единственная адекватная версия среди остальных, тщательно проверяет ее. Во время экспедиции 1911 года он много внимания уделял лопарям: описал образ жизни, быт, нравы этого северного народа, – и вот к каким выводам пришел по поводу причастности их к созданию лабиринтов:

- 1) лопари о лабиринтах ничего не знают, даже не слышали;
- 2) они живут внутри полуострова, а там лабиринтов нет;
- 3) «лопари не любят моря, и только нужда (оскудение лопарского оленеводства) заставляет их искать морских промыслов» (Дурылин: 11);

4) «лопарь – по природе кочевник, охотник, скотовод, а никак не мореходец и морской промышленник» (Дурылин: 11);

5) «лопари сравнительно недавно поселились на Кольском полуострове» (Дурылин: 11).

Кроме того, С. Н. Дурылин пишет:

«Кандалакшане отрицают всякую связь “вавилон” с лопарями (или “лопинами”, по местному говору) и не только не приписывают их сооружение Лопи, но утверждают даже, что у Лопинов Вавилонов нет, и они о них ничего не знают. Те лопари, с которыми мне довелось иметь дело при лодочно-пешеходном хождении через Лапландию из Кандалакши в Колу, на протяжении около 300 верст, подтверждают это утверждение кандалакшан, так как про вавилоны ничего не слышали и у себя, в местностях, прилегающих к огромному озеру Имандра, не знают их вовсе» (Дурылин: 10).

На этом основании он делает вывод:

«<...> “вавилон”, связанные почти всегда с морем и морским берегом, не могут никак быть связаны ни в каком отношении с лопарями, всегда избегавшими моря, народом сухопутным» (Дурылин: 11–12).

В XX веке лопари продолжали рассматриваться как устроители северных лабиринтов (Н. Н. Виноградов, Н. Н. Гурина, А. Куратов, А. Я. Мартынов и др.). В начале XX века саамы были малоисследованным народом, поэтому С. Н. Дурылин не мог доказать их непричастность к созданию лабиринтов, он просто поверил самому народу – и, по-видимому, был прав. Р. Боси в книге «Лапландцы. Охотники за северными оленями» [1], проследивая историю лапландцев, видит в них сначала древних охотников на оленей, которые пришли на Кольский полуостров вслед за дикими стадами, а затем уже стали оленеводами; рыбный промысел у лопарей тоже был, но не морской, а в озерах и устьях рек, больших лодок для выхода в открытое море у этого народа не было. В. Г. Мизин в книге «Исторические каменные лабиринты Севера России» [11], опираясь на данные скандинавских и русских ученых, цитируя С. Н. Дурылина, все-таки окончательно отвергает лопарей как возможных устроителей «вавилон», хотя оговаривается, что они могли использовать лабиринты для своих целей. Согласно его версии:

«Не позднее XIV в. данная традиция (лабиринты. – Л. Д.), скорее всего, была перенята карелами у шведов и далее использовалась ими при освоении западного побережья Белого моря, где с каменными лабиринтами уже познакомились новгородцы-поморы, которые на протяжении следующих одного-двух столетий распространили традицию возведения лабиринтов далее на север, вдоль побережья Кольского полуострова (вплоть до Финмарка) и на Новую Землю» [11: 34].

Эта версия очень похожа на правду, если только сами финны и карелы не отпраплялись на западные берега Белого моря порыбачить, чтобы продать улов новгородским купцам, а русские поморы к ним присоединились позже и уже застали лабиринты на берегу моря. Причастность финнов и карелов к созданию лабиринтов косвенно подтверждает и фольклор. Лопарский фольклор связан с оленеводством, русские поморы привезли с собой и сохраняли фольклор, основанный на синтезе земледельческих обрядов и христианской веры [2], а коренные жители Севера, финны и карелы, являются обладателями самого развитого фольклора, связанного с водой и рыбалкой [5]. Русские поморы постепенно переняли некоторые карело-финские поверья, приметы, сюжеты и образы народной прозы, но переняли ли они традицию делать лабиринты?

ГИПОТЕЗЫ О НАЗНАЧЕНИИ ЛАБИРИНТОВ

Прежде чем перейти к версии С. Н. Дурылина, рассмотрим четыре гипотезы, распространенные в XX и XXI веках. Более полный критический разбор гипотез о происхождении каменных лабиринтов сделал, например, А. А. Куратов в книге «Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы» [7], С. Н. Дурылина в своем критическом обзоре он не упоминает. Почти все статьи и монографии по лабиринтам, как и полагается научным работам, начинаются с общего обзора и критики предшествующих открытий и гипотез – нет необходимости еще раз их рассматривать. Остановимся на двух авторитетных в советское время и двух современных гипотезах.

Гипотезы исторической и археологической науки и версию С. Н. Дурылина проверим на соответствие четырем критериям, потому что гипотеза, претендующая на истинность, должна:

- 1) объяснять, почему лабиринты на **море**, в непосредственной близости от него;
- 2) учитывать **климат** (полгода лабиринты находятся подо льдом и снегом);
- 3) иметь в виду хорошую **сохранность** с древних времен или Средневековья;
- 4) объяснять или хотя бы учитывать **форму** лабиринтов: круглоспиральную, концентрически-круговую, круговую-подковообразную.

Гипотеза первая: лабиринты – это **культовые сооружения**, при этом культы называются разные. Н. Н. Виноградов, А. Куратов, А. Я. Мартынов и ряд других исследователей считали, что лабиринты связаны с культом мертвых. Первым эту версию начал развивать Н. Н. Виноградов. В 1927 году, будучи заключенным СЛОН⁴, он издал книгу «Соловецкие лабиринты. Их проис-

хождение и место в ряду однородных доисторических памятников», в которой проанализировал известные ему гипотезы о назначении лабиринтов (о работе С. Н. Дурылина и Кандалакшском лабиринте он, по-видимому, не знал), а затем в отдельной главе обосновал свою версию:

«...лабиринты есть не что иное, как *saivo* – город мертвых – обиталище душ умерших предков. Вместе с тем лабиринты являлись местом, где совершались жертвоприношения, и поставлялись жертвы для умерших предков. Лабиринт есть священное место первобытных финских племен (лопарей)»⁵.

Эта версия учитывает прежде всего форму и распространенное назначение лабиринтов быть ловушкой, но она не объясняет, почему лабиринты находятся у моря. В море виделась преграда между мирами живых и мертвых? Так могло быть, и А. Я. Мартынов развивает этот аргумент, полагая, что лопари специально для погребальных обрядов приплывали с Кольского полуострова на Соловки, чтобы оградить себя от возвращения душ умерших [9]. Большая водная преграда, действительно, многими древними культурами воспринималась как граница между миром живых и мертвых, что отражено и в волшебных сказках (тридесятое царство часто за морем), и в англосаксонском эпосе «Беовульф» (описание погребального обряда воина на корабле), и в карельском фольклоре [5: 436], и в других источниках. Лучший знаток древней культуры Кольского полуострова, первооткрыватель древних могильников Н. Н. Гурина пишет:

«Представление о нахождении царства мертвых за водой возникло на Севере очень рано и продержалось там до Средневековья и даже позже. Это представление отражают Оленеостровские могильники Баренцева моря и Онежского озера. Остальные захоронения Кольского п-ва также расположены на берегу моря или рек. Существенны в этом плане и некоторые погребения Оленеостровского могильника, совершенные в деревянных колодах – очевидно, лодках и просмоленных шкурах овальной формы, возможно, кожаных лодках или имитирующих их» [3: 122].

Н. Н. Гурина не связывает лабиринты с погребальными обрядами, хотя эта точка зрения появилась еще в 1920-е годы, то есть до ее первых экспедиций. Открытые ею могильники показали, что древних людей на Кольском полуострове предавали земле в деревянных колодах, похожих на лодки, а лабиринты в подавляющем большинстве находились в отдалении от найденных могильников и вряд ли были с ними связаны.

В версии А. А. Куратова и его ученика А. Я. Мартынова, в которой лабиринты рассматриваются в том числе и как место для проведения родового погребального обряда, смущает

еще и климат: зимой провести обряд очень сложно, потому что лабиринты находятся под слоем льда и снега на открытом месте у моря, где дуют холодные северные ветра, значит, следовало сохранить умерших до прихода весны, что довольно сложно для кочевников или полукочевников. По свидетельству Н. Н. Гуриной,

«только в очень закрытых бухтах, как, например, Нерпичья губа близ Дроздовки, по-видимому, население оставалось зимовать. Из других же бухт, открытых со стороны моря ледяным северным ветрам, но чрезвычайно богатых рыбой в летнее время, оно перекочевывало осенью вслед за оленями внутрь полуострова, под защиту леса, на берега озер, чтобы обеспечить себе питание рыбной ловлей и охотой» [4: 4].

Теплое время года на севере короткое: надо успеть заготовить еду, одежду (наловить рыбы, выпастить оленей, набить пушнину и пр.), обменять на другие товары, – в таких условиях у народа нет времени на массовые похороны, да еще и с перевозкой умерших на Соловецкие острова. В жизни древних людей, тем более в таком суровом крае, все было рационально, в том числе отношение к смерти (см. [1: 128–134]). Какой-то обряд на берегу моря, по-видимому, существовал, однако вряд ли погребальный.

Зато версия о культовом назначении лабиринтов объясняет их сохранность: только культовое место веками могли сохранять с такой тщательностью, даже когда сам культ ушел в прошлое и забылся. С. Н. Дурылин приводит примеры, как заботливо поправляли нечаянно сдвинутые камни его провозачты – монахи на Соловецких островах и крестьянин в Кандалакше. Эту заботу он приметил и использовал в размышлении о назначении лабиринтов:

«Поневоле является мысль, не связана ли каким-либо образом, хотя бы отчасти, сохранность лабиринтов с отношением к ним местного населения, – отношением, внушенным, может быть, какими-либо суевериями, связанными с вавилонянами?» (Дурылин: 7–8).

Гипотеза о промысловом назначении лабиринтов была официальной в советское время и находит поддержку в наши дни. У приверженцев этой версии есть одно расхождение: некоторые исследователи считают, что лабиринты были связаны с рыболовной магией, а другие настаивают на их исключительно утилитарной функции. Автор культово-рыболовной версии – Н. Н. Гурина, открывшая в своих экспедициях сотни важнейших археологических памятников (лабиринты, могильники и культовые сооружения, места стоянок и длительных поселений, предметы искусства), которые позволили описать историю и культуру древних людей, населяющих эти красивые, но суровые места. Еще в 1948 году Н. Н. Гурина

предположила, что лабиринты использовались как магические сооружения рыболовов, в своих последующих работах она от этой версии не отказывалась, аргументируя ее следующим образом:

«Все эти сооружения (в полной мере, за исключением) приурочены к морскому побережью, в частности к устью богатых рыбой рек. На Кольском полуострове эти места являются тонями. Все обследованные нами лабиринты имеют вход, обращенный в противоположную сторону от реки или моря. Во всех обследованных нами местах они сопровождаются стоянками, содержащими кварцевые орудия и иногда керамику эпохи раннего железа. Только в двух случаях, на Соловецких островах и в Вящине, вблизи лабиринтов находятся особые каменные сооружения, в одном случае связанные с захоронением. Таковы факты.

Учитывая все перечисленное выше и наблюдая сходство структуры лабиринтов с рыболовными сооружениями типа “убегов”, еще недавно применяемых на Кольском полуострове, я не вижу причин, которые заставили бы меня отказаться от объяснения их как магических сооружений, связанных с рыболовством. Глубже этого мы едва ли в состоянии пока проникнуть. Трудно согласиться с теми, кто связывает лабиринты Севера с реальным использованием их в целях рыболовства. Эти сооружения никогда не заливаются морем и сами по себе не могут служить орудиями рыболовства, имея высоту камней редко более 30 см» [4].

Версия Н. Н. Гуриной учитывает все критерии: море, климат (зимой не нужны), сохранность (магическое средство), форму (сходство с рыболовными сооружениями).

Версия промысловая, без функции магии (И. М. Мулло [12], М. Г. Косменко [6]), во-первых, не учитывает сохранности: если это было просто техническое сооружение для ловли рыбы, то зачем его так свято хранили веками; во-вторых, не объясняет форму: ходы лабиринта (ок. 20 см в ширину) не дают возможности зайти в него и собрать рыбу, потому что для ловушки нужно было тесно вбивать колья, образуя заграждение. В фильме А. Рогожкина «Кукушка» (2002) воссоздан лабиринт в соответствии с этой версией, но проходы лабиринта сильно расширены, чтобы мог зайти человек.

М. Г. Косменко в статье 2013 года «Принадлежность и функции каменных сооружений в Карельском Поморье», в целом поддерживая производственную версию И. М. Мулло, делает следующее уточнение:

«На мой взгляд, все лабиринтовидные сложения можно квалифицировать как объекты производственного назначения, а именно контуры оснований стационарных деревянных сооружений для профилактических работ с морскими сетевыми ловушками различной конструкции. <...> Ставные морские ловушки, как и прочие виды сетей, легко засорялись во время штормов, быстро обрастали водорослями и нуждались в периодической просушке, чистке и ремонте. Развешивать их для профилак-

тики крайне трудно иначе, как на специальных макетах, копирующих сложные формы» [6: 141].

Авторы промысловой версии не дают даже примерного описания лабиринтоподобных рыболовных снастей – «специфические орудия и приемы морского лова» [6: 142] так и остаются загадкой. М. Н. Власова в книге «Русский Север: брошенная земля» [2], описывая рыболовный промысел поморов, называет много рыболовных снастей: сети, неводы, гарвы, рюжи, заборы, завески. Каждая снасть рассчитана на определенные виды рыбы, особенности ландшафта и морских угодий. Есть рыболовные снасти больших размеров (невод, гарва), но они всегда просты по форме. Лабиринтообразные ловушки были бы слишком сложными и неудобными: как извлекать рыбу из их узких ходов? Если на лабиринтоподобную конструкцию навешивались крючки, подобно завескам и убегам, то доставать ее из воды при таком большом размере вместе с уловом было бы крайне тяжело. М. Г. Косменко исчезновение лабиринтов связал как раз с переходом «на ловлю продольными сетями» [6: 142], но лабиринтов сохранилось очень много, зачем же берегли эти каменные выкладки? Вопрос о сохранности лабиринтов самый нерешенный в промысловой версии. Только Н. Н. Гурина учла все критерии, предположив, что лабиринт из камней – это планы орудий ловли, наделенные магической силой. То, что даже в XX веке, когда многие обряды ушли в прошлое, карелы совершали ритуалы с рыболовными снастями, говорит в пользу ее версии. На основе устных рассказов карелов Л. И. Иванова описывает некоторые ритуалы, сопровождающие приготовление рыболовных сетей:

«Особым способом, чтобы все пришлось по вкусу водяному и он расщедрился, готовили рыболовные снасти. Во-первых, коптели сети и неводы: “Пропитанные дегтем тряпки клали в огонь, вот дым и проходит через сети. Так это надо делать... Мы вроде еще, старые, коптим, а молодежь, те не знают ничего”. Особым образом обрабатывали грузила <...>. Когда шли на тоню, зажигали огонь, пронесли его через мотню невода (povi), проделывали это трижды, шепча при этом заговоры. Иногда раздевались донага и проходили через мотню с ножом во рту. Могли пронести хлеб и икону Святого Петра, прося у него при этом рыбы. Если рыба вдруг прекращала ловиться, коптели невод, и уже все рыбаки проходили с ножом во рту через мотню, пронося огонь» [5: 452].

В рамках темы закономерен вопрос: может быть, лабиринт использовали в похожем ритуале? Например, на нем раскладывали снасти для ритуального очищения и заклинания? Может быть, обряды заклинания рыболовных снастей были более абстрактными и сам

лабиринт символизировал ловушку для рыбы и обладал магической силой? Версия о культовом рыболовном назначении лабиринтов, пожалуй, самая близкая к истине. Гипотеза С. Н. Дурьлина будет с ней пересекаться.

Следующая научная версия, которую нужно рассмотреть, – **астральная**. Гипотезу финского ученого У. Гольмберга (U. Holmberg) о лабиринтах как месте поклонения небесным светилам, прежде всего солнцу, основанную на некоторых знаниях мифологии скандинавских лопарей, критикует уже Н. Н. Виноградов в 1927 году. При этом у него зафиксирована мысль, принадлежащая У. Гольмбергу, что «круги спиральных и круглых и дуги подковообразных лабиринтов указывают на годичные движения солнца, то поднимающегося, то опускающегося над горизонтом»⁶. Эту версию решили проверить современные исследователи Г. Н. Паранина, Р. В. Паранин, в итоге они выдвинули свою гипотезу:

«Северные лабиринты – загадочные мегалиты каменного века, оставленные древней цивилизацией. <...> это **гномоны и календари**, предназначенные для ориентации в специфических условиях арктического пространства – времени» [13: 120].

Работает древний гномон следующим образом:

«Радиальные формы больше всего отвечают представлению о солнечных часах. Камни в центре служат для крепления кола, вокруг которого тень движется в дневную часть суток. Прорисовка ее отдельных положений дает рисунок колеса или Солнца. Наблюдения в течение полярного дня значительной продолжительности позволяют назвать его “спиралью времени”, т. к. с каждым витком радиус, описываемый тенью, будет изменяться, уменьшаясь до наступления дня летнего солнцестояния и увеличиваясь – после, в соответствии с высотой солнца над горизонтом» [13: 122].

Интересная точка зрения. Авторы рассматривают различные виды лабиринтов, а также петроглифы похожей формы в Ирландии, другие сооружения или рисунки, в которых можно проследить функцию гномона или календаря. Доказывая свою гипотезу, они прибегают к сопоставлению северных лабиринтов с достаточно широким кругом других артефактов, но, кажется, опять забывают о человеке. Если лабиринт – это часы или календарь, то человеку надо было бежать к морю, чтобы посмотреть время, и зачем делать лабиринт-гномон таким большим, что с высоты человеческого роста будет неудобно наблюдать за тенью? Не проще ли сделать лабиринт-гномон возле своего жилища, а лучше маленький, карманный и носить с со-

бой в условиях полукочевой жизни? Сами авторы в подтверждение своей точки зрения пишут, что

«традиция ориентирования по солнцу в этом регионе до сих пор не утрачена. Для определения времени карелы используют насечки на подоконнике, чертежи на мокром песке, ладонь. В двух последних случаях к гномону добавляется классическая деталь – кол или палочка размером с мизинец» [13: 132].

Этот замечательный жизненный пример не подтверждает, а опровергает выдвинутую версию о назначении северных лабиринтов: во все времена люди были рациональны в хозяйстве. Данная гипотеза строится на форме лабиринтов, но не объясняет их местоположения и сохранности, не учитывает климат.

Среди гипотез о назначении лабиринтов на сегодняшний день самой современной, но уже весьма весомой и признанной является версия В. Г. Мизина о лабиринтах как «**маркерах средневековых рыбацких общин**»: «<...> лабиринт является общим “знаком присутствия”, “посещения” поморами (карелами) каких-либо удаленных промысловых угодий» [11: 68], то есть с помощью лабиринтов рыболовы размечали рыболовецкие угодья. Аргументация этой версии вполне убедительна, она развернута в книге на нескольких страницах, но пересказывать ее мы не будем, а обратимся к намеченным критериям: море, климат, сохранность, форма. Первые два критерия вопросов не вызывают и комментарию не требуют. Сохранность эта версия не объясняет, но ее автор считает, что 1) лабиринты были порождением не языческой, а христианской культуры, поэтому, например, на Соловках сохранялись монахами; 2) некоторые лабиринты в более позднее время могли использоваться с иными целями, ритуальными или игровыми. Форма лабиринта объяснена заимствованием у шведов на Балтийском море [11: 28–34], а они в свою очередь переняли ее у церковных средневековых лабиринтов (такой же точки зрения придерживается М. М. Шахнович, «это мнение является основным и среди зарубежных исследователей» [17: 146]). Не очень понятно, зачем нужно было рыбакам перенимать церковный образ для простой разметки рыболовецких угодий. Значит, лабиринту приписывалась еще какая-то функция, например оберега?

Ряд археологов (в России это В. Г. Мизин, М. М. Шахнович) отрицают древнее происхождение северных лабиринтов и, опираясь на измерения скандинавских ученых (возраст лабиринта вычислялся по скорости роста лишайника и по береговой линии), считают, что они появились в эпоху Средневековья, не раньше конца XIII века, и активнее всего соорудались в XVI–XVII

веках [16: 138], поэтому связаны с христианской культурой. С одной стороны, это отчасти объясняет сохранность лабиринтов, с другой стороны, не понятно, почему тогда их функция была так основательно вытеснена из памяти народа – для этого нет серьезных, прежде всего религиозных, предпосылок⁷. Способы измерения возраста лабиринтов, из-за которых их отнесли к позднему Средневековью и XVI–XVII векам, тоже вызывают сомнения. Во-первых, почему исследователи решили, что начало роста лишайника – это время создания лабиринта? Может быть, это время, когда лабиринты забросили, за ними перестали ухаживать и они начали покрываться лишайниками. Во-вторых, исходя из береговой линии можно как-то обозначить время появления тех лабиринтов, которые сохранились, но ведь саму традицию создавать лабиринты так измерить нельзя – мы не знаем, сколько их ушло под воду, какие из них были передвинуты, какие естественным образом оказались отдалены от моря. А. Я. Мартынов сроки создания имеющихся лабиринтов сдвигает на более раннее время: три соловецких лабиринта он относит к первобытной эпохе, остальные, по его мнению, «могли быть построены только в эпоху Средневековья, очевидно не ранее второй половины I тыс. н. э.» [10: 94]. Если версия С. Н. Дурылина верна, то время создания лабиринтов, скорее всего, надо отнести ко второй половине, концу I тыс. н. э., а к XVI–XVII векам традиция создавать лабиринты должна была уже угаснуть и начать порождать предания, переосмысления, суеверия.

ВЕРСИЯ С. Н. ДУРЫЛИНА

В отчетном издании «Кандалакшский “вавилон”» видно, как постепенно, собирая разные факты, С. Н. Дурылин подбирается к своей версии о назначении северных лабиринтов, как осторожно, вдумчиво он намечает свою гипотезу, которую последующие исследователи в течение 110 лет старательно игнорировали, не появилось даже опровержения. Проследим за мыслью С. Н. Дурылина.

На Соловецких островах он стал свидетелем одного обряда поморов:

«Большой Заяцкий остров весь усеян ныне старыми и новыми деревянными крестами. Это не надгробные памятники, а кресты, которые поморы-мореходцы строят по обету: если в море свирепствует буря или сильнейшие ветры, мореходец, зайдя в спокойную бухту Большого острова, рубит крест, веря, что от этой добротной жертвы Богу ветер утихнет; если, обратно, в море был мертвый штиль и судно стояло неподвижно у острова, помор просил ветра, “попутника”, и рубил крест, веря, что жертва будет принята. Обычай этот донныне широко распространен по всему русско-

му северу, по всему побережью С. Ледовитого океана и Белого моря. Я видел на Б. Заяцком острове крест, срубленный всего за 3 дня до моего приезда: помор просил у Бога ветра. Обычай моления ветру еще недавно был распространен на Мурмане» (Дурылин: 15).

С. Н. Дурылин задает закономерный риторический вопрос, который может рассматриваться как его гипотеза:

«Этот христианский обычай не заменил ли какой-нибудь языческий обряд, относящийся также к морю и связанный с лабиринтом в его значении места для очищения и искупительной жертвы, тем более, что и великий символ креста имеет сокровенное значение искупления и жертвы» (Дурылин: 15).

В. Г. Мизин большое внимание уделяет поморским крестам [11: 39–52], которые описывает С. Н. Дурылин, но, оставаясь верным своей теории о разметке границ рыболовецких угодий, считает, что кресты как более простая и заметная с моря конструкция заменили лабиринты, при этом функция крестов была шире благодаря их христианской символике. М. Г. Косменко кресты в функции разметки соотносит не с лабиринтами, а с менгирами, так как и те и другие были хорошо видны с моря, к тому же «ареалы лабиринтов и менгиров практически не совпадают, тогда как массовое распространение менгиров и поморских деревянных крестов почти не различаются» [6: 145]. Обряд заклинания ветра с помощью креста поморы середины XX века, по крайней мере для собирателей фольклора, не вспоминают. С. Н. Дурылин же пишет, что «видел на Б. Заяцком острове крест, срубленный всего за 3 дня до моего приезда: помор просил у Бога ветра». Похоже, что крест, действительно, был многофункциональным символом у поморов и карелов (в их рассказах упоминаются крест обетный, памятный, крест в благодарность хозяину воды [2], [5]), но с установлением советской власти, затем с распространением моторных лодок и катеров ритуалы с просьбой попутного ветра забыли, как еще раньше забыли и назначение лабиринтов.

В очерке «За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке» (1913) С. Н. Дурылин сформулировал свою гипотезу следующим образом:

«Ведь еще недавно был на Мурмане совсем языческий обряд моления ветру, от которого все зависит на море, жизнь и смерть. Быть может, прошедший все ходы лабиринта и вышедший оттуда, не заблудившись, принеся жертву, считался чистым и мог не бояться морских злоключений и препятствий, бурь и скал, как не боялся потерять верный путь в хитром лабиринте?»⁸

На этом он останавливается, не развивает далее свою концепцию, а только напоминает со-

бранные им аргументы: лабиринты у моря на варяжском, новгородском водном пути, хорошая сохранность, обряды моления ветру. Проверим, соответствует ли намеченным критериям его версия о том, что северные лабиринты, расположенные в непосредственной близости с морем, – это культовые места, связанные с мореплаванием⁹. Критерий местоположения учтен в первую очередь. Версия С. Н. Дурылина не противоречит и погодным условиям: зимой не было навигации, и лабиринты были не нужны – они спокойно лежали подо льдом и снегом и оттаивали вместе с морем к началу нового навигационного и рыболовного сезона.

Рассматривая гипотезу С. Н. Дурылина об обряде заклинания ветра или очистительном обряде, надо учитывать, что обряды всегда совершаются, во-первых, в моменты перехода (из рода в род, из мира живых в мир мертвых и т. п.) и, во-вторых, тогда, когда решается судьба общества, когда для его выживания необходимо что-то, не зависящее от сил человека. У земледельца обряды обращены к солнцу и земле, потому что от них зависят урожай и жизнь людей в средней полосе; «хлеб» рыбака на севере – это семга, треска и сельдь, от их улова зависела жизнь народа (поговорка Беломорья: Была бы рыба, а хлеб будет).

«Семга – это главный и, можно сказать, единственный источник существования подавляющего большинства местного населения, так как других постоянных, также для всех доступных промыслов здесь на месте нет <...>»¹⁰,

– пишет А. Н. Попов в 1914 году о рыбаках Терского берега Белого моря. Длительная штормовая или, наоборот, безветренная погода срывала выход в море и сулила голодный год. Была и примета: если идет морской ветер, рыбы не будет [2: 24]. Попутный ветер жизненно необходим и торговым судам: от него зависели возможность выхода в море, успех навигации, возвращение домой. Таким образом, обряды с заклинанием ветра были нужны и рыбакам, и купцам-мореплавателям. В книге Дж. Саварда «Лабиринты» [16], обзорно излагающей научные знания о лабиринтах, есть свидетельство, что прохождение лабиринта шведскими и финскими рыбаками предпринималось как раз с целью заклинания ветра:

«Вплоть до XX в. рыбаки считали необходимым прохождение лабиринта перед выходом в море: загадочное построение из запутанных ходов должно было обеспечить хорошие уловы и вызвать попутные ветры – при этом неблагоприятные ветры якобы попадали в лабиринт и терялись в нем» [16: 140–141].

В. Г. Мизин, ссылаясь на книгу Дж. Саварда, пишет, что

«управление ветрами с помощью каменных лабиринтов было распространенным суеверием и на Балтике. Однако это скорее указывает не на “управление ветрами с помощью лабиринта”, а на актуальность ветра для рыбаков и мореходов того времени» [11: 42].

Каких-либо аргументов, доказывающих, что с помощью лабиринта не стремились управлять ветром, исследователь не приводит, а ведь есть логика в том, что самые распространенные на Севере приморские сооружения (более 500) и самый важный для этих мест обряд могут быть связаны. Все народы стремились управлять силами природы. Джеймс Фрейзер в своем epochальном труде «Золотая ветвь», в пятой главе «Магический контроль над природой», описывает обряды народов всего мира, направленные на управление дождем, солнцем и ветром. В размышлении о гипотезе С. Н. Дурылина могут пригодиться сведения из книги Дж. Фрейзера:

«Финские колдуны <...> продавали попутный ветер задержанным бурей морякам. Ветер содержался в трех узлах: если развязать первый, дул умеренный ветер, если второй – сильный, если же третий – начинался ураган. Эстонцы, страна которых отделена от Финляндии лишь морским заливом, верили в магические способности своих северных соседей. Простые эстонские крестьяне приписывали сильные ветры, которые дуют с севера и северо-востока <...> козням финских колдунов и колдуний <...> В народной эстонской песне поется:

Ветер Крестовый, могучий, кипящий,
С тяжелым ударом развернутых крыл!
Воющий ветер несчастья и горя
Дыханье финских волхвов доносил.

<...> Владение искусством завязывать ветер тремя узлами – так что, чем больше развязывается узел, тем сильнее дует ветер – приписывали колдунам Лапландии, а также колдунам с островов Шетланд, Льюис и Мэн. Моряки Шетланда до сих пор покупают у старух, которые претендуют на управление штормами, ветры в виде платков или нитей с завязанными узлами. Говорят, что в Леруике и поныне обитают древние старухи, которые живут продажей ветров»¹¹.

Данные Дж. Фрейзера относятся к концу XIX – началу XX века. И тот факт, что в это время соседние народы сохраняют в своем фольклоре память о волхвах, управляющих ветром, что есть еще отчетливые следы этого обряда, говорит о том, что когда-то ранее эта магия была ключевой в религиозной жизни северных народов, прежде всего на Балтийском побережье, где как раз более всего лабиринтов.

Уместно будет вспомнить и карело-финский эпос «Калевала». В 10-й руне поется о том, как Вяйнямйнен вызывает ветер, чтобы он перенес Ильмаринена в Похьёлу, в этой северной стране сам Ильмаринен призывает ветры, чтобы выковать Сампо, и только с их помощью работа спорится, затем хозяйка Похьёлы

вызывает ветер, чтобы отправить кузнеца обратно. Судя по песням «Калевалы», вызывание попутного ветра перед отправлением в морской путь было делом обычным. Образ ветра в рунках «Калевалы» ключевой, ветры олицетворены, они действуют разумно и самостоятельно, даже герои-божества считаются с ними, ждут от них помощи в море и боятся вреда. Часто упоминается «дорога ветра» («по дороге ветра едет», «по пути ветров пришел ты»). В образе ветра слышатся отголоски древних верований, вряд ли этот образ сочинен Э. Леннротом.

Был ли в скандинавской и карело-финской мифологии бог ветра или бог, управляющий ветром, которому могли посвящать обряд и приносить жертву на берегу моря? Конечно, такой бог был, и даже не один, его просто не может не быть в тех условиях жизни. У древних скандинавов был бог **Кари** (др.-сканд. *Kári* ‘ветер’) – персонифицированный ветер, зимний, холодный, враждебный людям. В древнескандинавской мифологии был бог **Ньерд** (др.-сканд. *Njörðr*) – владыка моря, он отвечал за плодородие и богатство, но прежде всего за ветер, мореплавание, рыбную ловлю. Ньерд живет в Нотауне (‘Корабельный двор’), его дом располагается на небе и на берегу моря – лабиринты расположены у моря, но «лицом» обращены к небу. В разных культурах лабиринты связывали с сакральным образом дома, планами дворцов, крепостей или городов, жилищем бога (см. [16]). Может быть, лабиринты не связаны именно с этими богами, но сам факт, что у скандинавов такие боги были и были весьма почитаемы, дает право сделать вывод, что и у тех, кто строил лабиринты, бог ветра тоже был. Так, например, у финнов и карелов очень развит культ воды, ее обожествляли, существовали многочисленные заговорные ритуалы, обращенные к самой воде или водным божествам: **Ахти**, **Велламо**, морское чудовище **Турсу** или **Ику-Турсо**, иногда без имени – просто **водяной**, «**хозяин**» или «**хозяйка**» (*vien*) воды, было и понимание, что сама вода – живое существо [5: 392–401]. Бог воды Ахти (*Ahti*), как и Ньерд, хранитель морских богатств, он принес людям рыбу, покровительствовал рыбакам, управлял ветром, а также был целителем от болезней, если они «пришли» от воды [5: 397]. На Севере зафиксировано много быличек, посвященных встречам человека с водяными. «Сюжеты, в которых водяной показан властителем водной стихии и ветра, также присущи карельской мифологии. Часто он поднимается из воды именно во время бури» [5: 427]. Суеверия порождают приметы, различные ритуалы-обереги и заклинания, чтобы не утащил водяной, что-

бы «хозяин» был щедр к рыбакам, чтобы люди не слезили рыбалку и сам улов и мн. др., таких ритуалов на Севере еще недавно было много [5: 429]. У поморов, пришедших в эти места уже христианами, появились свои святые покровители, которые помогали рыбакам в море: Святой Петр, Варлаам Керетский. Поморы были не лишены и суеверий (домовые, банники, лешие, русалки, водяные, морок и пр. [2]), к тому же в новых условиях жизни они переняли у коренного народа многие поверья и приметы, связанные с водой, в то время как карелы стали православными и разделили веру в святых и образ креста. Здесь уместно вспомнить, что рядом исследователей (в России это В. Г. Мизин [11], М. М. Шахнович [17]) северные лабиринты рассматриваются не как языческие, а как раннехристианские символы, имеющие аналоги в католических храмах Европы и завезенные в эти места мореходами-христианами. Однако какого бы вероисповедания не были моряки и рыбаки, всем одинаково необходим попутный ветер, и логично предположить, что именно его чаще всего просили у высших сил в культовом месте.

Форма лабиринта, которую сравнивали с солярной розеткой, часами, рыболовными снаряжениями, со змеей и даже мозгом, похожа и на завихрение ветра, особенно вид циклона из космоса – круг, спираль. Древние люди не могли видеть облака из космоса, но они наблюдали вихри, позёмки. В русском языке такие наблюдения народа сохранились, например, в устойчивом словосочетании «ветер кружит». Название «вавилон» тоже может говорить о закрученной форме. С. Н. Дурылин вспоминает, что

«в русской народной речи существуют повсюду выражения; “расшито вавилонами”, “чертить вавилоны”, “писать вавилоны”, – т. е. расшито особохитрыми, запутанными кругами, чертить хитро-спутанные круги. “Вавилон” – нечто хитрое, запутанное, сложное, головоломное; вавилоны, – по Дально, – запутанный, криволинейный узор» (Дурылин: 8–9).

Что если «вавилон» – это ловушка для ветра («неблагоприятные ветры якобы попадали в лабиринт и терялись в нем» [16: 141])? Одно из основных назначений лабиринтов – ловушка: некоторые северные лабиринты устроены так, что крутят вокруг центра, другие заводят в тупик, те и другие похожи в этом на ловушку. Крестьянин, провожавший С. Н. Дурылина и его спутника к Кандалакшскому лабиринту и наблюдавший, как заплутали в нем молодые люди, сказал: «Вавилон был город¹² древний. Войти в него можно, а выйти нельзя» (Дурылин: 8). Н. Н. Виноградов учитывал эту функцию лабиринтов, но, как автор гипотезы о погребальном

обряде, считал, что «лабиринт сделан с одним входом, с запутанными дорожками и гребнями камней, чтобы духи умерших сами в них запутались и не могли выйти наружу»¹³. А может быть, ловили не души, не рыбу (промысловая версия), а ветер, тем более что некоторые лабиринты находятся на возвышенности? Тогда неподходящий или слишком сильный ветер с помощью заклинательного ритуала как бы ловили, запутывали в лабиринте, а во время штиля с помощью того же или другого ритуала ветер можно было выпустить на волю по аналогии с тем, как с этой же целью поморы ставили крест, а финские волхвы завязывали и развязывали узелки. Один из древних международных мотивов – пойманный в мешок ветер: обманывая доверчивых глупцов, герой как бы выпускает его на свободу, так делали Одиссей, Ходжа Насреддин, герои сказок и др. Сказки часто иронически осмысляют ушедшие в прошлое обряды (см. В. Я. Пропп «Исторические корни волшебной сказки» [14]), поэтому истории, где герой ловит ветер, а затем его выпускает, могут быть отголоском какого-то древнего обрядового действия.

Приведем еще два аргумента в пользу гипотезы о лабиринтах как местах моления ветра. А. А. Куратов в монографии «Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы» [7], анализируя разные версии о назначении лабиринтов, приводит пример из трудов немецкого исследователя Эрнста Краузе – обряд заклинания бури древних греков с помощью хороводных танцев на берегу моря у алтаря из валунов, описанный около 240 г. до н. э. Аполлоном Родосским в поэме «Аргонавтика». Воспользуемся подсказкой и обратимся к поэме (в переводе Г. Ф. Церетели, Н. А. Чистяковой). Перед отправлением за золотым руном аргонавты воздвигают алтари и приносят жертвы, сначала Аполлону:

Камни затем, возле моря собрав, воедино стащили,
Грудой сложив, алтарь хранителю общему, Фебу
Соорудили, прозваньем Эмбасию, Береголюбцу.
Ветви оливы сухой поверх алтаря возложили¹⁴.

Затем на том же алтаре следует жертва Зевсу, а утром снова «в жертву овец принесли, ибо волны на море вздымались». Путь аргонавтов сопровождается постоянным жертвоприношением богам на каменных алтарях у моря по разным поводам. На обратном пути, попав в сильную бурю, путешественники вынуждены причалить к берегу. Корабль посещает богиня с пророчеством, после чего аргонавты готовят идола, жертвы и сооружают каменный алтарь на горе:

Жертвенник после сложили из мелких камней, увенчали

Листьями дуба его и жертву свершить поспешили <...> Много и долго молился Ясон на коленях, просил он Бури от них отвести и свершал возлиянье на жертву <...>¹⁵

Пример показывает, что с древних времен непогоду на море переживали на берегу (в бухтах и устьях рек), где возводились каменные алтари для жертвоприношения богам, чтобы усмирить шторм и продолжить плавание. Сам вождь, капитан, проводит молитвенный обряд. В этом переводе, доработанном Н. А. Чистяковой, сказано, что камни складывали «грудой», однако в более раннем переводе Г. Ф. Церетели такой детали нет, поэтому трудно судить, была ли она в оригинале.

Еще один аргумент в пользу точки зрения С. Н. Дурылина нечаянно оставил выдающийся ученый, естествоиспытатель Карл Эрнст фон Бэр, который в нескольких экспедициях (с 1837 по 1840 год) исследовал Русский Север: Новую Землю, острова Финского залива, Кольский полуостров. В статье о северных лабиринтах он описал некоторые детали своего путешествия, которое в 30-е годы XIX века было, конечно, на парусных судах:

«Во время моего путешествия по Финскому заливу летом 1838 года внезапно стихший ветер вынудил нас пристать к маленькому и совершенно необитаемому острову Вир¹⁶, расположенному примерно в 6 верстах к югу от Гогланда»¹⁷, –

там ученый открывает новый лабиринт, а далее пишет об уже известном ему лабиринте:

«Лабиринт бухты Виловатая расположен на голой скале и сложен из небольших острых скальных обломков; по размерам он не больше, чем лабиринт острова Вир. Он также целый, и сохранился до сих пор, хотя еще 11 русских кораблей пришлось с нами дожидаться смены ветра, и члены их экипажей, молодые и старые, прогуливались по поверхности скалы»¹⁸.

Передвижение парусных судов по морю всецело зависит от ветра, и почему-то так получается, что корабли пристают к необитаемому острову, где сохранился лабиринт, а затем прячутся от непопутного ветра в бухте, где на берегу их ждет такое же сооружение. Не повторили ли они естественным образом путь древних и средневековых моряков с той же проблемой – ожидание попутного ветра? Только раньше моряки верили, что ветер можно призвать или усмирить, совершив определенный ритуал в лабиринте, а моряки и путешественники XIX века просто прогуливаются среди странно упорядоченных камней.

С. Н. Дурылин, размышляя о связи лабиринта и креста, склонялся также к версии, что перед отправкой в море проводился **очистительный об-**

ряд, так как крест, который, возможно, заменил лабиринт, имеет значение очищения и искупления. Выход в воды опасных северных морей или больших озер, где человек всецело зависит от погоды, отдает себя во власть ветра и воды, мог обставляться очистительными ритуалами, а лабиринты могли быть местами для совершения таких обрядов. Дж. Савард пишет:

«Мы встречаем повсюду, где был найден лабиринт, упоминание о том, что кольцообразные стены лабиринта обладали способностью запутывать и удерживать злых духов, обеспечивая тем самым защиту людей» [16: 141].

Значит, лабиринт-ловушка при его прохождении человеком выполняет еще и функцию очищения от злых духов:

«<...> когда рыбаки проходили лабиринт, за ними устремлялись маленькие человечки, или тролли. Закончив прохождение лабиринта, рыбаки мчались к своим лодкам, быстро выходили в море, оставляя человечков плутать в лабиринте и лишая их возможности чинить неприятности и приносить неудачу» [16: 141].

Похожим образом восточные славяне на троичко-семицкой (русальной) неделе заманивали русалку (переодетую девушку) в поле, оставляли ее там блуждать, а сами возвращались в селение, уверенные, что, во-первых, избавили себя от вредоносных чар этой водяной нечисти, во-вторых, передали полю ее плодородную силу [15: 94]. Может быть, европейские (из дерна) «лабиринты на лугах зеленых»¹⁹ (Шекспир) создавались с такой же целью: проходя через лабиринт, люди очищали себя, а также луг, поле от вредоносных духов? Тогда рисунки лабиринтов на различных зданиях и рядом с ними, на предметах быта (стиральные доски, ящики, изголовье кровати [16]), в орнаменте одежды когда-то могли выполнять роль оберега, защищающего от темных сил и плохого глаза. С переходом к христианству лабиринты-обереги могли какое-то время воспроизводиться по традиции, пока эту функцию окончательно не взял на себя крест (хотя суеверные люди и сегодня прикалывают к одежде булавку от сглаза). М. Г. Косменко предполагал, что крест выполнял «символическую функцию оберегов промысловых участков и их пользователей» [6: 145]. Все эти вопросы заслуживают отдельного исследования.

Очистительные обряды часто проводятся в момент перехода из одного мира в другой: омывают покойника, в баню ведут девушку перед свадьбой и т. п. Известно, что северные народы видели в море преграду между миром живых и миром мертвых, поэтому, отправляясь в плавание, действительно, могли проходить очистительный обряд, так как верили, что вступают

на путь, ведущий в мир иной, ведь многие оттуда не возвращались, потому что гибли в море. Даже в XX веке «людей, отплывающих в лодке, всегда крестили вслед. Возможно, в путешествии по воде человеку особенно была нужна охрана. И лодка, и вода были связаны с культом мертвых» [5: 431].

Стоит отметить, что моменты перехода (рождение, свадьба, похороны, масленица, святки и др.) сопровождалась не только очистительными обрядами, но и ритуальной едой. Поморы и карелы перед рыбалкой тоже устраивали трапезу. М. Н. Власова в книге «Русский Север: брошенная земля» пишет:

«<...> на Терском берегу, по крайней мере во второй половине XX в. <...> Повсеместно ставили отвальное или привальное: “угощение при отъезде, прощальную пирушку”; “привальный стол”, “привальный обед”» [2: 68].

Можно ли «пирушку» рыбаков рассматривать как остатки некоего ритуала с магией еды? Обильная еда – это магия благополучия, такая необходимая, когда народ живет с риском не получить у природы пропитание. Как поясняет В. Я. Пропп,

«еда представлялась когда-то не только как средство насыщения, но и как акт приобщения себя и своего хозяйства к тем силам и потенциям, которые приписывались съедаемым блюдам» [15: 36].

Ритуальная еда земледельцев – хлеб, блины, каша, то есть земледелец приобщается через еду к растительному миру, охотники едят с этой целью мясо, рыбаки по этой логике должны были есть рыбу, возможно, делить эту трапезу с водным божеством, чтобы сначала умилостивить его, а затем поблагодарить. У карелов так и было:

«Рыбным богом считался и Святой Петр. Когда весной шли первый раз на рыбалку, просили, чтобы он дал рыбы: “Anna, Pyhä Petri, kaloa!”. А когда ели первую весеннюю уху (обязательно из рыбы, до которой не касался нож), ее крестили и говорили: “Pyhä Petri vereksilläs, näitä syömäh – toista soamah Святой Петр – на свеженькое, это есть – новое давать!” <...> До первой пойманной рыбы нельзя было дотрагиваться ножом, т. е. в рыбе оставалась вся кровь, оставались жизненные силы, душа (veri – кровь, vege – свежий). И вот на эту уху свежую, полную энергии, приглашался хозяин вод, который, так же как древний дух, изображался похожим на рыбу <...>» [5: 452].

В этом примере видим и желание умилостивить бога, и причащение к нему через тело рыбы на совместной трапезе, и отголосок веры в магические свойства «чистого», свежего, неоскверненного. Описанный выше карельский обряд ритуального очищения, копчения рыболовных сетей,

по-видимому, был очистительным и для человека, потому что рыбаки «раздевались донага» и «проходили с ножом во рту через мотню, пронося огонь» [5: 452]. Очистительные ритуалы с огнем, прохождением через мотню в нагом виде, причащение едой могли проводиться в сакральном месте, возможно, им был лабиринт.

Суммируя все сказанное, надо признать, что точка зрения С. Н. Дурылина соответствует всем критериям, учитывает образ жизни и народную культуру людей Севера, не приписывает им трудозатратных и ненужных действий, находит аналог в обрядах земледельцев. С древности и до XX века людям, живущим за счет моря, жизненно необходим был попутный ветер, к тому же, отправляясь в опасное плавание, откуда, возможно, уже не вернется, а перейдет в мир иной, человек мог совершать очистительный обряд. Обряд заклинания ветра был широко распространен ранее и сохранялся вплоть до XX века (рубка крестов, узелки); в этих местах когда-то были боги ветра и почти до наших дней сохранилась вера в божества воды, которым приписывали и власть над ветром. Закрученная форма и название «вавилон» могут быть образом, метафорой ветра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культово-промысловая версия и версия об обрядах перед выходом в море, скорее всего, не соперничают, а дополняют друг друга, потому что такие обряды, как заклинание ветра, обряд очищения перед выходом в море, ритуальное очищение и заклинание рыболовецких снастей, трапеза до и после рыбалки, могут быть связаны как части одной системы верований, остатки которой фольклористы и этнографы находили в XX веке. В таком случае лабиринт на берегу моря изначально мог быть рукотворным алтарем, сакральным местом, посвященным богу ветра, хозяину воды, у которого можно было попросить о насущном (ветер, рыба, здоровье) и поблагодарить за дары. Обряд заклинания ветра, вероятно, совершал знахарь, но перед отправкой в море пройти через лабиринт с целью очищения должны были все моряки, поэтому в оживленных местах, на перекрестках морских путей, нужно было много лабиринтов. Становится понятно, почему функция лабиринтов забылась: с усилением в этих землях христианства роль посредника между миром людей и высшими силами взяла на себя церковь, так было и с верованиями земледельцев. Суеверия искоренить не удалось, поэтому народные заговоры дожили до наших дней, а вот лабиринты постепенно исчезли или утратили свое ритуальное значение, потому что, как и другие культовые места, целе-

направленно искоренялись из веры и памяти народа. Почему тогда на Соловецких островах монахи не уничтожали, а сохраняли лабиринты? Возможно, при основании монастыря в XV веке лабиринты негативной реакции не вызвали, потому что или уже не использовались по назначению, или под влиянием моряков-христиан с запада были переосмыслены в контексте христианской веры. Нельзя исключать и того, что монахам, поселившимся на перекрестке морских дорог, «на пути ветров» («Калевала»), где в непогоду на небольшом замкнутом пространстве собирались моряки и рыбаки в ожидании попутного ветра, от которого зависела их жизнь, пришлось сначала терпеть лабиринты и связанные с ними ритуалы, а затем постепенно, с помощью просвещения и наставления подменять лабиринты образом креста, а моление ветра переадресовывать христианским святым (такой видоизмененный обряд С. Н. Дурьлин, по-видимому, и застал на Заяцком острове). Напомним, что с приходом христианства в эти

земли покровителями северных моряков и рыбаков становятся Святой Петр и местный святой Варлаам Керетский (XVI век) – они проявляли такие же чудеса спасения, усмирения шторма, дарения богатого улова и попутного ветра, что и забытые божества [2], [5]. Со временем лабиринтообразные круги, вавилоны, окончательно уступили место новому символу – кресту, но не были уничтожены, потому что в северных районах благодаря постепенному переосмыслению перестали восприниматься как места языческого культа. Найдены и переходные формы: крест внутри лабиринта, лабиринты в форме креста, кресты, выложенные на земле камнями [11: 47–49]. Время выхода в море и начало ловли того или иного вида рыбы совпали с христианскими праздниками [2]. Процесс христианизации Русского Севера длился несколько столетий, в Карелии он начался с X века под влиянием Великого Новгорода, а на Кольском полуострове только с XV века, поэтому лабиринты там сохранились лучше.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бэр К. Э. Лабиринтоподобные каменные выкладки на Русском Севере // Историко-философский бюллетень Императорской Академии Наук. СПб., 1844. С. 70–79; Елисеев А. И. О так называемых вавилонах на севере России // Известия Императорского Русского географического общества Т. 19. СПб., 1883. С. 12–16; Спицын А. А. Северные лабиринты // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 6. СПб., 1904. С. 101–112.
- ² Рева К. Следы доисторического населения Архангельской губернии (По раскопкам поселений каменного века). Архангельск: Губернская типография, 1898. 30 с.
- ³ Дурьлин С. Н. Кандалакский «вавилон» (к изучению северных лабиринтов). М., 1914. С. 7. Далее цитируется в круглых скобках фамилия и через двоеточие страницы. Цитаты из работ С. Н. Дурьлина, К. Э. Бэра, а также названия источников в дореволюционной орфографии приводятся в современном написании.
- ⁴ Соловецкий лагерь особого назначения. Существовал с 1923 по 1933 год. Затем изменилось название. П. Флоренский, будучи в ссылке на Соловках после Н. Н. Виноградова, познакомился с его гипотезой и оставил свои размышления о лабиринтах как о месте погребения.
- ⁵ Виноградов Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Материалы СОК. Вып. 4. Соловки, 1927. С. 159.
- ⁶ Там же. С. 152.
- ⁷ А. Спицын еще в 1904 году, признавая внешнее сходство северных лабиринтов с церковными, высказал сомнение насчет использования их в христианском обряде: «Рассуждая беспристрастно, никак не возможно придумать, для совершения какого религиозного христианского обряда или обычая могли бы служить северные лабиринты, тем более, что большую часть года они покрыты снегом. Светский или даже языческий характер этих сооружений представляется более вероятным» (Спицын А. А. Северные лабиринты // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 6. СПб., 1904. С. 112).
- ⁸ Дурьлин С. Н. За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке // Дурьлин С. Н. Три беса.: Художественная проза, очерки. М.: Совпадение, 2013. С. 322.
- ⁹ Скандинавский исследователь К. Вестердал [20] выдвинул гипотезу о связи лабиринтов со средневековым лощманством, морской навигацией, но она не объясняет сохранность и форму лабиринтов.
- ¹⁰ Попов А. Н. Терский берег // ИАОИРС. 1914. № 1. С. 1.
- ¹¹ Фрейзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. С. 96–97.
- ¹² Лабиринты в Швеции, Финляндии, Эстонии тоже названы по городам: Троя, Иерусалим, Ниневия, Выборг, Константинополь, Иерихон, Лиссабон, Париж и др. В. Г. Мизин [11: 93–108] видит в этих названиях, перенесенных на лабиринты, образ утраченного города, который был разрушен или подвергался разрушению. Приведенные исследователем аргументы убедительны, но, наверное, стоило обратить внимание, что большинство этих городов располагались на берегу моря и были портовыми. Скорее всего, эти названия уже вторичные.
- ¹³ Виноградов Н. Соловецкие лабиринты... С. 157.
- ¹⁴ Аполлон Родосский. Аргонавтика / Пер/ Г. Ф. Церетели, Н. А. Чистякова [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://librebook.me/the_argonautica/vol1/1 (дата обращения 17.06.2023).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Финляндия.

- ¹⁷ Бэр К. Э. Лабиринтоподобные каменные выкладки на Русском Севере // Историко-философский бюллетень Императорской Академии Наук. СПб, 1844. С. 70–79 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ufo-com.net/publications/art-7421-labirintopodobnie-kamennie-vykladky.html> (дата обращения 26.04.2023).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ «И лабиринты на лугах зеленых / Зброшены и еле различимы» (У. Шекспир «Сон в летнюю ночь», перевод М. Лозинского).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боси Р. Лапландцы. Охотники за северными оленями. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 175 с.
2. Власова М. Н. Русский Север: брошенная земля: Фольклор несуществующих деревень (особенности и контексты бытования). СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 464 с.
3. Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 231 с.
4. Гурина Н. Н. Новые исследования древней истории Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Вып. 6. Петрозаводск: Карелия, 1977. С. 3–14 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.evngusev.narod.ru/kola/gurina-1977.pdf> (дата обращения 25.04.2023).
5. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 557 с.
6. Косменко М. Г. Принадлежность и функции каменных сооружений в Карельском Поморье // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 127–153.
7. Куратов А. А. Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. 45 с.
8. Куратов А. Древние лабиринты Архангельского Беломорья // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973. С. 63–76.
9. Мартынов А. Я. Археологическая карта Беломорья: некоторые итоги и проблемы изучения // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: Междунар. науч.-практ. конф.: Сб. науч. ст. и докл. П. Соловецкий (Архангельская обл.): СОЛТИ, 2006. С. 187–212.
10. Мартынов А. Я. О методологических проблемах изучения каменных лабиринтов Северной Европы // Археология сакральных мест России: Сб. тезисов докладов науч. конф. с междунар. участием. Соловки, 2016. С. 92–99.
11. Мизин В. Г. Исторические каменные лабиринты Севера России. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2022. 224 с.
12. Мулло И. М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. М.: Л., 1966. С. 185–193.
13. Паранина Г. Н., Паранин Р. В. Северные лабиринты как астрономические инструменты в соотношении с образцами мифологии и символами культуры // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. Вып. 4 (13). С. 120–134.
14. Пропп В. Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Питер, 2021. 560 с.
15. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М.: Лабиринт, 2009. 176 с.
16. Савард Дж. Лабиринты. М.: Ниола 21 век, 2005. 224 с.
17. Шахнович М. М. К вопросу о валунных лабиринтах или первые христиане на Крайнем Севере // Ученые записки МГПУ. Исторические науки. 2007. Вып. 7. С. 140–147.
18. Шахнович М. М. Хендолакшский лабиринт в Кандалакшском заливе Белого моря // Археология сакральных мест России: Сб. тезисов докладов науч. конф. с междунар. участием. Соловки, 2016. С. 109–114.
19. Шумкин В. Я. Лабиринты – загадочные каменные сложения: изучение, историческая реальность и современная мифологизация // Археология сакральных мест России: Сб. тезисов докладов науч. конф. с междунар. участием. Соловки, 2016. С. 99–104.
20. Westerdahl C. Navigational aspects of stone labyrinths and compass cards // Caerdroia. 1992. № 25. P. 32–40.

Поступила в редакцию 15.06.2023; принята к публикации 02.10.2023

Review article

Lidia N. Dmitrievskaya, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Maksim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-8074-846X; mirfilologa@yandex.ru

SERGEY DURLIN'S HYPOTHESIS ABOUT THE PURPOSE OF THE NORTHERN LABYRINTHS: RITE OF PURIFICATION AND PRAYER TO THE WIND

Abstract. In the early 1910s, Sergey Durylin explored the labyrinths on the Bolshoy Zayatsky Island (the Solovetsky archipelago) and was the first to describe the Kandalaksha stone labyrinth. Having collected necessary information (location by the sea, proximity to a busy ancient sea route, good preservation, rituals of the peoples of the North in the

XIX and the early XX centuries) Durylin put forward his hypothesis about the purpose of the labyrinths. In his opinion, the labyrinths were the place where prayers to the wind and purification rites were performed before going to sea. The article discusses various hypotheses of researchers of the XX–XXI centuries. All hypotheses are tested according to four criteria: they have to explain or take into account location by the sea, climate, good preservation, and the shape of labyrinths. The novelty of the study lies in the fact that when testing various hypotheses about the purpose of labyrinths, the archeological data were correlated with the materials collected by folklorists, which made it possible to fit labyrinths into the general system of beliefs of the peoples of the North. Durylin's version meets all the selected criteria and is indirectly confirmed by folklore and literature about sea voyages on sailing ships. This hypothesis about the purpose of the northern labyrinths is well grounded and plausible, however, it has not been proved or rejected so far, and the question of the purpose of the northern labyrinths remains open and relevant. The assumption about the existence of some fishing cult ritual and the version about performing rituals before going to sea are likely to be complementary as parts of the same belief system, the remains of which were found by folklorists and local historians in the XX century.

Key words: Sergey Durylin, northern labyrinths, Kandalaksha “Babylon”, hypothesis about the purpose of labyrinths, rite

For citation: Dmitrievskaya, L. N. Sergey Durylin's hypothesis about the purpose of the northern labyrinths: rite of purification and prayer to the wind. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):8–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.970

REFERENCES

1. Bosi, R. Laplanders. Reindeer hunters. Moscow, 2004. 175 p. (In Russ.)
2. Vlasova, M. N. Russian North: abandoned land: The folklore of non-existent villages (features and contexts of existence). St. Petersburg, 2021. 464 p. (In Russ.)
3. Gurina, N. N. History of culture of the ancient population of the Kola Peninsula. St. Petersburg, 1997. 231 p. (In Russ.)
4. Gurina, N. N. New studies of the ancient history of the Kola Peninsula. *Nature and Economy of the North*. 1977;6:3–14. Available at: <http://www.evgengusev.narod.ru/kola/gurina-1977.pdf> (accessed 25.04.2023). (In Russ.)
5. Ivanova, L. I. Characters of Karelian mythological prose. Studies and texts of bylichkas, byvalshchinas, and beliefs of the Karelian peoples. Part one. Moscow, 2012. 557 p. (In Russ.)
6. Kosmenko, M. G. Belonging and functions of stone constructions in Karelian maritime area. *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. 2013;1(3):127–153. (In Russ.)
7. Kuratov, A. A. Stone labyrinths in the sacred space of Northern Europe. Arkhangelsk, 2008. 45 p. (In Russ.)
8. Kuratov, A. Ancient labyrinths of the Arkhangelsk White Sea region. *Collection of papers on history and local history*. Vologda, 1973. P. 63–76. (In Russ.)
9. Martynov, A. Ya. Archaeological map of the White Sea region: some results and problems of study. *Primitive and medieval history and culture of the European North: problems of study and scientific reconstruction: Proceedings of international research and practice conference*. P. Solovetsky (Arkhangelsk region), 2006. P. 187–212. (In Russ.)
10. Martynov, A. Ya. The methodological problems of studying the stone labyrinths of Northern Europe. *Archeology of sacred places in Russia: Abstracts of reports for the scientific conference with international participation*. Solovki, 2016. P. 92–99. (In Russ.)
11. Mizin, V. G. Historical stone labyrinths of the North of Russia. St. Petersburg, 2022. 224 p. (In Russ.)
12. Mullio, I. M. Revisiting the issue of stone labyrinths of the White Sea region. *New monuments of the history of ancient Karelia*. Moscow; Leningrad, 1966. P. 185–193. (In Russ.)
13. Paranina, G. N., Pararin, R. V. Northern labyrinths as astronomical instruments in relation to examples of mythology and symbols of culture. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 2009;4(13):120–134. (In Russ.)
14. Propp, V. Ya. Morphology of the folktale. The historical roots of the folktale. St. Petersburg, 2021. 560 p. (In Russ.)
15. Propp, V. Ya. Russian agricultural feasts: historical and ethnographic research. Moscow, 2009. 176 p. (In Russ.)
16. Saward, J. Labyrinths. Moscow, 2005. 224 p. (In Russ.)
17. Shakhnovich, M. M. Revisiting the issue of boulder labyrinths, or the first Christians in the Far North. *Proceedings of Moscow State Pedagogical University. Historical Sciences*. 2007;7:140–147. (In Russ.)
18. Shakhnovich, M. M. Khendolaksha labyrinth in the Kandalaksha Bay of the White Sea. *Archeology of sacred places in Russia: Abstracts of reports for the scientific conference with international participation*. Solovki, 2016. P. 109–114. (In Russ.)
19. Shumkin, V. Ya. Labyrinths – mysterious stone structures: study, historical reality, and modern mythologization. *Archeology of sacred places in Russia: Abstracts of reports for the scientific conference with international participation*. Solovki, 2016. P. 99–104. (In Russ.)
20. Westerdahl, C. Navigational aspects of stone labyrinths and compass cards. *Caerdroia*. 1992;25:32–40.

Received: 15 June 2023; accepted: 2 October 2023